

Тюремные и спецпереселенческие песни Нарымского края

С годами открывается многое. И понятие «жизненная мудрость» тоже осознаётся постепенно, с увеличением лет позади и уменьшением их впереди. Недавно попались на глаза строчки В.Я. Шишкова: «Молодёжь, за самыми редкими исключениями, не может понять красоты старинной песни, чуждается её и как будто стыдится её повторять...». До чего же верно!

В отрочестве и ранней юности много-много раз приводилось мне в родном посёлке Тогуре, что стоит на томской земле на берегу р. Кети, слушать народные песни. Родни было много, и веселиться то поколение умело на славу. Несмотря на пережитые страдания спецпереселения, голода, колхозного рабства, войны, а может быть и вопреки всему этому. В праздники устраивали застолья: плясали, организовывали игры, незатейливые спортивные состязания, шутили и дурачились... Вспоминаю всё это с завистью, ибо мы, обременённые средними и высшими образованиями, затюканные комплексами и условностями, перегруженные информацией и навязчивой эстрадой, так открыто и так вдохновенно отдыхать уже не умеем. Наши дети – тем более.

Отраднее же всего вспоминаются те песни. Но это сейчас. Тогда я был к ним равнодушен. Более того – иногда они меня раздражали: «Тоже мне, певцы... То ли дело – вокально-инструментальные ансамбли!»

А пели много. И «Позарастали стёжки-дорожки...», и «Бежал бродяга с Сахалина», и «При лужке...», и другие. И среди этого нередко звучало – о воле, тюрьме, побегах, судах. Тогда эти песни казались мне частью уголовщины, какими-то ущербными, недостойными приличной компании. И мне было непонятно, как мои родители, дядьки и тётки – честные трудяги, далёкие от блатного мира, – могут любить и петь эти песни. Что удивительно – в других тогурских домах, где сохранялись певческие традиции, этот репертуар тоже был в ходу.

Лишь много позже пришло понимание, что не всё так однозначно; что «тюремные», «лагерные», «арестантские», «блатные» и т.д. песни – это часть русской и сибирской культуры; что они представляют собою целое направление фольклористики и давно уже являются объектом внимания исследователей и писателей.

Оговорюсь сразу: речь не идёт о примитивной пошлятине современной эстрады под глумливым названием «шансон». Это убожество за гонорары сочиняют и поют благопристойные и сытые

люди, не имеющие ни малейшего понятия о лагерной жизни. «Он нары не грыз», – сказал бы блатной советской поры.

В русской литературе тема несвободы, узничества – одна из стержневых. Причём, разрабатывали её не только бытописатели. В этой связи стоит вспомнить хотя бы «Сижу за решёткой в темнице сырой...» А.С. Пушкина, «Отворите мне темницу...» М.Ю. Лермонтова, многие стихотворения поэтов-декабристов, «Славное море – священный Байкал...» Д.П. Давыдова. Все эти образцы высокой поэзии давно уже положены на народную музыку и, видоизменившись во множество вариантов, прочно вошли в тюремный фольклор. Кстати сказать, все они исполнялись и в Нарымском крае.

Впрочем, влияние русской литературы на «острожную песню», как называли этот пласт народной культуры в XIX в., было и остаётся не односторонним, а взаимным, даже – взаимообогащающим. От «Записок из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского до рассказов В.М. Шукшина и стихов В.С. Высоцкого – многие прекрасные литературные творения русских поэтов и писателей включили в себя фольклорные по происхождению строки о воле и тюрьме.

Едва ли не столько же времени, сколько существует тюремный фольклор, идут споры о причинах его происхождения и распространения, литературной и эстетической ценности, нравственной и духовной состоятельности. Интересует специалистов и определение жанра. Вариантов на эту тему предложено уже немало. Одни считают блатной песней такую, автор которой воспекает систему ценностей уголовного мира и считает её нормальной. Другие полагают достаточным основанием для этого употребление жаргонных оборотов, пресловутой «фени» в лексике либо наличие соответствующей блатной тематики в содержании. Есть мнение об обязательной связи фабулы песни с историей какого-то преступления и (или) наказания. Может быть, ближе к истине такое определение: *«Блатные песни – это песни на уголовную тематику, бытующие в соответствующей среде»*. Смущает лишь аморфность и налёт некой снисходительности в обобщении «соответствующая среда». Матёрый рецидивист в зоне и набожная старушка в моём родном посёлке, поющие «Солнце всходит и заходит...», это что – одна и та же «соответствующая среда»?

Сложность определения тюремного жанра русской песенной культуры не в последнюю очередь как раз и вызвана чрезвычайным его обилием и распространённостью в совершенно разных слоях общества. А это, в свою очередь, тоже должно быть чем-то обосновано.

Сначала – о причинах появления этого жанра.

Первая, лежащая прямо на поверхности, была обнародована ещё в 1871 г. С.В. Максимовым. Он полагал, что сочинение подобных песен вызвано исключительно желанием разнообразить тюремную обстановку, *«подцветить праздное безделье и скоротать досадное и скучное время»*. С этим сразу же не согласился известный сибиревед и общественный деятель Н.М. Ядринцев. В опубликованном через год труде «Русская община в тюрьме и ссылке» в главе «Острожная поэзия, музыка и тюремное творчество» он возражал: *«На тюремную песню нельзя смотреть только как на развлечение заключённых: она выражает суету тех дум, тех ощущений, которые выносит человек в тюрьме и неволе»*. И далее: заключённый в песне *«переливает свои воспоминания и соображения о своей судьбе, бездолю, о своём прошлом и будущем»*.

Очевидно, в какой-то мере правы и тот, и другой: высказанные причины не взаимоисключающи. Но они не отвечают на другой, главный вопрос: почему среда бытования тюремного фольклора намного шире круга заключённых? Да, в Нарымском крае, вот уже четыре века служащим местом массовой ссылки, сложилось своеобразное население, которое тюремное мироощущение может получать буквально на генном уровне. Да, сегодняшние хранители тюремного фольклора в регионе – это поколение 80-летних, очень большая часть которых тюрьмы, ссылки и спецпереселения знает не понаслышке. И всё же, всё же...

Более объясняющей феномен и возникновения, и популярности в народной среде этого фольклора представляется традиционная для славян идея об очищающей силе страданий для человека. Действительно, на жизненном пути человека неизбежны страдания и мучения. Но они не только тягость, но и благо, поскольку ведут к обновлению и очищению человеческой души. Последняя же служит защитой от напастей. Песни о горькой доле скитальцев, сироток, калек, невинно убиенных, заключённых потому и были очень популярными в народе, что сопереживания этим персонажам помогали легче переносить собственные жизненные невзгоды.

Если же говорить о распространении тюремного фольклора в некриминальной среде, скажем в тех же деревнях по Кети, Парабели, Васюгану, то высказанная причина, может быть, и основополагающая, но – не единственная. Каждая историческая эпоха добавляет и свои.

К примеру, в XIX – нач. XX вв. основными источниками этого песенного жанра в Сибири были арестантские партии, каторжные, ссыльные. Многие оставались здесь жить, обзаводились семьями, друзьями из числа местных – и постепенно тюремные песни начинали звучать не только в острожных бараках, но и в крестьянских и мещанских домах. Уже тогда исследователи

полагали, что эти сочинения *«нельзя не включать в разряд народных песен Сибири»*.

В советское время, когда редкая семья, особенно в Сибири, не познала тюрьму, ссылку или спецпереселение, эта часть песенного фонда стала ещё более распространённой. Истина «от сумы да от тюрьмы не зарекайся» превратилась в лозунг каждого дома, тюремная песня стала частью жизни каждой фамилии. Очень хорошо это передано в пронзительно-щемящем рассказе В.М. Шукшина «В воскресенье мать-старушка...». Сам родом с Алтая, добрая часть крестьян которого в 1930-х гг. оказалась в лагерях и нарымских спецпосёлках, он знал, о чём писал. Сюжет рассказа прост: слепой гармонист поёт односельчанам старинную тюремную песню. Но какое понимание и сопереживание слушателей – это их песня!

*«...Передайте передачку,
А то люди говорят:
Заключённых в тюрьмах много –
Сильно с голода морят.*

Бабы, старики, ребяташки как-то всё это понимали – и что много их там, и что морят. И очень хотелось, чтоб передали тому несчастному «сидельцу», сыну её, эту передачку – хоть поест, потому что в «терновке» (тюрьме), знамо дело, несладко. Но...

*Повернулась мать-старушка,
От ворот тюрьмы пошла...
И никто про то не знает –
На душе что понесла...
Как же не знали – знали! Плакали».*

С сер. 1950-х гг. тюремная песня, бытовавшая в некриминальной среде до той поры больше в «рабоче-крестьянских массах», распространилась ещё шире – стала модной у интеллигенции, пробилась на эстраду. Именно в то время Е. Евтушенко написал своё известное стихотворение,

*Интеллигенция поёт блатные песни.
Поёт она не песни Красной Пресни.
Даёт под водку и сухие вина
Про ту же Мурку и про Енту и раввина.
Поют под шашлыки и под сосиски,
Поют врачи, артисты и артистки.
Поют в Пахре писатели на даче,
Поют геологи и атомщики даже.
Поют, как будто общий уговор у них
или как будто все из уголовников.*

Но в основе этого процесса лежала уже иная, точнее – ещё одна причина – чувство протеста. Лучшее всего её объяснил К. Рудницкий: *«Причина была та, что улыбочато-бодрые, бойкие,*

задорные или же мило-сентиментальные песни, которые лились с эстрады, с экрана и из чёрных тарелок репродукторов, знать не хотели ни о кровоточащих ранах недавней войны, ни о других социальных бедствиях. Инвалидов не видели, вдов и сирот не замечали, о голоде и слыхом не слыхивали, ну а такие мелочи, как бытовые неустройства, сырость барачных или фантасмагорическая перенаселённость коммуналок, авторов этих песен и подавно интересоваться не могли. Горечь, скопившаяся в душах, тревога о пропавших без вести или канувших «без права переписки» в какие-то чёрные провалы бытия – всё это словно бы не существовало, не волновало песенную гладь».

Впрочем, необходимо отметить: и в прошлом, и теперь всегда находились те, кто отказывал тюремному песенному жанру в статусе фольклора, народного музыкально-поэтического творчества. Его обзывали «вульгарным» и «крамольным», не обнаруживали необходимого эстетического уровня, обвиняли в бездуховности и примитивизме... Даже Ю. Алешковский – известный литератор – в интервью журналу «Музыкальная жизнь» по поводу своей «Песни о Сталине» («Товарищ Сталин, вы – большой учёный...»), давно уже в своём бытовании утратившей авторство и ставшей народной, не преминул подчеркнуть несинонимичность лагерного и народного фольклора: *«Но мелодия не моя, а лагерная, именно из лагерей, а не народная, русская».*

Подавляющее большинство историков и литераторов придерживается всё же противоположного мнения. И для этого есть серьёзное основание – более, чем вековое изучение появления, распространения и бытования этого жанра в России, и Сибири в том числе.

Весь этот большой временной отрезок распадается на 2 этапа: досоветский и советский. В конце XIX – начале XX веков в русле распространения демократических тенденций и развития революционного движения в русском обществе внимание к тюремному фольклору было преогромным. Вот лишь несколько названий из десятков книг – исследований и песенников, – вышедших тогда на эту тему: «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно. Песня узников» (Одесса, 1906), «Новые песни. Сборник народных босяцких песен и куплетов» (Москва, 1907), «В плену за решёткой острожной» (Москва, 1907), «Звеня колодными цепями» (Москва, 1908), «Арестант. Песни тюремные» (Ярославль, 1910), «Песни каторжника» (Москва, 1910; Одесса, 1910), «Ах, Боже, свободы я лишился» (Одесса, 1910) и много-много других. Тогда же были опубликованы первые исследования и тексты сибирских невольничьих песен – «Сибирь и каторга» С.В. Максимова (1871 г.) и уже упоминавшаяся «Русская община в тюрьме и ссылке» Н.М. Ядринцева (1872 г.). Обе книги, однако же,

включали фольклор лишь Восточной Сибири, на рудниках которой и было тогда сосредоточено основное количество арестантских партий.

Нарымский тюремный фольклор досоветского периода стал достоянием исследователей позже – только к середине XX в., когда ситуация с его собиранием и изучением в стране коренным образом изменилось. Репрессивная политика советской власти вызвала к жизни не только огромное количество зон и лагерей, но и, как следствие этого, новый и мощный пласт невольничьих песен – тюремных и спецпереселенческих. Однако так же, как ни статистика, ни социология, ни средства массовой информации не упоминали о советских заключённых, фольклористика не включала в круг своего внимания советский тюремный фольклор. Нет песен о нынешних тюрьмах и ссылках – значит, нет и заключённых: всё чудненько в «стране победившего социализма».

«А между тем, – писал по этому поводу Н. Шафер, – пренебрежение к систематизации и изучению целого пласта фольклора, созданного людьми, вступившими в конфликт с общественными нравами, свидетельствуют об отсутствии полноты в освоении нашего духовного наследия. Хотим мы этого или не хотим, шокирует это нас или не шокирует, но «блатные песни»... тоже составляют часть нашего духовного наследия. Стремление отмежеваться от криминального фольклора, равносильно стремлению вычеркнуть целый слой общества не только из состава нашей нации, но и вообще из рода человеческого».

Поэтому фольклорные экспедиции в Колпашевском, Верхнекетском, Парабельском, Каргасокском районах Томской области собирали, интерпретировали, комментировали и публиковали невольничьи песни исключительно царской поры, вынужденно обходя их новейшие образцы. Хотя большая часть населения в этих районах в 1930–1950-х гг. состояла из спецпереселенцев, а многие из мужчин прошли и лагеря.

Так на указанной территории в 1942 и 1943 гг. собирала материал фольклорная экспедиция Новосибирского пединститута под руководством Н.Г. Парилова, записавшая более 300 песен. В изданной по результатам этой поездки книге «Русский фольклор Нарыма» в рубрике «Песни о ссылке и тюрьме» опубликовано всего 4 текста; все – XIX – нач. XX вв. В 1956 г. в 19 населённых пунктах Колпашевского и Парабельского районов работала экспедиция Томского пединститута под началом Я.Р. Кошелева. Результат – тот же. *«До сих пор широко известны в сёлах Нарыма песни тюремные и ссылнокаторжные»*, – только и было написано по результатам поездки. Хотя работали исследователи в сёлах, сплошь и рядом

занятых спецпереселенцами и возвращающимися в эти годы из тюрем амнистированными жертвами сталинизма.

Подобная ситуация сохранялась и позже.

Совершенно проигнорированным и до сих пор неподнятым пластом фольклора остаются песни спецпереселенцев. Само спецпереселение – глобальнейшее явление отечественной истории XX в., только-только и пока в малой мере ставшее доступным для научного исследования и общественного анализа, – не скоро ещё получит оценку своих причин, масштабов и последствий. Поэтому крайне важно сохранить все свидетельства этой эпической трагедии русского крестьянства: и архивные документы, и воспоминания очевидцев, и ... фольклор. Который, в отличие от других видов исторических источников, весьма и весьма преходящ. Он, упущенный и не зафиксированный в своё время, исчезает вместе со стариками прямо на глазах, ибо оказался культурным явлением только одного поколения. И, если ситуация с публикацией и исследованием творчества советских заключённых в последние несколько лет изменилась в лучшую сторону, то забвение спецпереселенческих песен сохраняется в полной мере.

В данном очерке публикуются тюремные и спецпереселенческие песни севера Томской области. Всего удалось зафиксировать 31 текст: 26 песен и 5 частушек. Отдельные сочинения приведены в нескольких вариантах. Другие удалось восстановить лишь после опроса 2 – 3 информаторов. Есть и фрагменты (неполные редакции) песен. Однако и в такой форме они включены в публикацию, поскольку, во-первых, имеют достаточную ценность даже в усечённом виде и, во-вторых, могут послужить отправной точкой для поиска конкретной песни последующими собирателями фольклора. Вместе с вариантами приведено 39 текстов, большинство из которых были записаны мною, а остальные обнаружены в архивных документах или публикациях.

Почти все информаторы, поделившиеся со мной сохранённой и опозитизированной памятью, – бывшие спецпереселенцы. Подавляющее их большинство – мои родственники. Если бы сталинские лагеря не выдернули из моего рода старшее поколение мужчин, а спецпереселенческие голодоморные погосты – младшее поколение детей, то фольклорных текстов в этом очерке было бы в несколько раз больше.

Всем информаторам – низкий поклон и большое спасибо.

Первые 19 песен относятся к жанру тюремных. По времени написания они распадаются примерно пополам – колодников царской поры и заключённых советских лагерей. Одна – определённо литературного происхождения: «Славное море – священный Байкал» – это стихотворение Д.П. Давыдова 1858 г. Старинное, романсовое начало имеет, по мнению знатока лагерного

мира В.Т. Шаламова, и песня «Люби меня, девчонка, покаместь я на воле...», очень значительно переработанная. Давно и прочно войдя в народный репертуар, эти песни были, а у старшего поколения и остаются любимыми в Нарымском крае. Так же, как и «Звенел звонок насчёт поверки...», «Солнце всходит и заходит...», «Скрывается солнце за степью...», «В воскресенье мать-старушка...». Их давнее бытование на этой территории зафиксировано ещё экспедициями Н.Г. Парилова и Я.Р. Кошелева; их знают или, по крайней мере, многократно слышали нынешние колпашевские и парабельские старики.

Для датировки песен советской поры иногда достаточным основанием служит их содержание. Например, «Эх, милая, добрая мама...» / «Ой, милая, добрая воля...» отражает постройку в годы первых пятилеток Беломоро-Балтийского или Волго-Московского каналов, сопряжённую и с массовой гибелью людей, и с досрочным освобождением 62,5 тыс. чел. Эти события получили тогда значительный резонанс в лагерном мире и лагерном творчестве. Шедевр тюремного фольклора «Я помню тот Ванинский порт...», по мнению М. Джекобсона и Д. Шерера, возник во второй половине 1940-х гг.: *«В это время как политические, так и уголовники-профессионалы чувствовали, что их положение практически безнадежно. Политические не верили, как это было в 30-е гг., что власть пересмотрит их дела... Уголовники были также полны пессимизма. Указ от 4 июля 1947 г. значительно увеличил их срока... И потому горькая безысходность «Ванинского порта» более точно описала их душевное состояние...»*.

Тюремные песни делятся, в основном, на 3 группы – о жизненном пути заключённого, о тюремных или лагерных условиях и о деятельности на воле. Сюжетная канва их, как правило, небогата и подчинена определённым закономерностям. Например, редко указывается причина заключения героя в тюрьму. Главное внимание уделяется мотивам свободы и неволи.

Сюжет таких песен, как правило, передаёт не саму действительность, а отношение к ней заключённого. Поэтому в них, песнях, так много лирики, но лирики специфической – как в мироощущении, так и в форме выражения, интонации. Душевные переживания, тоска по воле облекаются в жалобность, трогательность, сентиментальность, которые нередко доходят до границ излишней театральности, преувеличенной эмоциональности, мелодраматичности. Этим переполнены и «Огни притона заманчиво сияют...», и «Я много песен перепел...», и многие другие.

Особо нарочитая сентиментальность заметна в песнях с участием матери заключённого – таких в подборке 7. Другие близкие люди – отец, братья и сёстры, дети – упоминаются намного реже, чем мать и любимая. Но, если последний персонаж может

отождествлять собою как светлый мир невольника (верная, ждущая, единственная), так и злые силы (неверная, изменница), то образ матери всегда решён однозначно положительно. Это – добро в чистом виде, единственный любящий и любимый человек, единственный укор совести и объект для покаяния и глубокого уважения. Поэтому и соответствующие эпитеты – «дорогая», «родная», «старенькая», «милая», «бедная», «добрая», «больная». Поэтому и блатной надрыв со слезами и смертями. Очень показательным представляется соотнесение двух равнозначных для невольника образов – матери и воли: одна редакция песни начинается словами «Эх, милая, добрая мама...», другая – «Ой, милая, добрая воля...».

Четыре из записанных песен исполняются от имени заключённых женщин, причём одна – в трёх редакциях. Оставим в стороне песню «Ой, милая, добрая воля...» – она скалькирована с «мужского» варианта, опубликованного рядом. Интереснее две другие с одинаковым содержанием мотива незаслуженного страдания: женщина попадает в тюрьму, справедливо, по её мнению, наказав «неверного друга» за любовную измену. Эта особенность значительно отделяет указанные песни от «мужского» лагерного фольклора, сближая их с любовной и «жалостливой» лирикой народного репертуара.

Сравнение бытовавших в Нарымском крае тюремных песен, даже при незначительной на сегодняшний день их выборке, со всем объёмом лагерного фольклора позволяет сделать вывод о критическом подходе колпашевских и соседних с ними песенников к уголовному репертуару. Далекое не всему, что сочинялось и пелось за колючей проволокой, что даже получило распространение в рабочей среде города, вторили на обских берегах. Не прижились тексты с ненормативной лексикой и блатным жаргоном, были малопопулярны песни с утверждением ценностей криминального мира или «красивой жизни» городской шпаны (добавим: таких, которыми до тошноты наполнена сегодняшняя официальная эстрада). Главным критерием отбора стали темы любви и сострадания – традиционные в народной песне и привычные для крестьянина. «...Нет среди них ни одной, которая могла бы оскорбить нравственное чувство, которая не могла бы быть напечатана», – эти слова известного фольклориста позапрошлого века В.С. Арефьева о современных ему тюремных песнях с полным основанием можно отнести и к соответствующим песням вчерашнего и пока ещё сегодняшнего дня Нарымского края.

Отличалась, надо сказать, и манера исполнения. В.Т. Шаламов, писатель, 17 лет проведший в лагерях, подчёркивал: *«Пение блатных – исключительно сольное пение, сидя где-нибудь у зарешёченного окна или лёжа на нарах, заложив руки за голову...»*

Никакое хоровое пение не могло бы быть допущено в стенах тюрьмы». На воле же, в некриминальной среде, как это было и в тогурских домах, песни исполнялись почти всегда хором – традиционно для народного песнопения.

К спецпереселенческому музыкально-поэтическому творчеству относится 12 в разной степени сохранившихся песен. Объединяясь с тюремным фольклором в главном – мотиве несвободы, – они имеют и значительные отличия.

Прежде всего, это касается происхождения. Песни тюрем и лагерей появились не в кетских или васюганских посёлках. Они пришли сюда вместе с освободившимися нарымчанами, в конвертах с письмами «из мест, не столь отдалённых», со страниц «песельников», которые в 1940 – 1950-х гг. были частью лагерной жизни. Спецпереселенческий же фольклор рождался на месте. Некоторые из информаторов даже называют авторов тех или иных песен, которые, согласно законам жанра, приобрели легендарные черты. Так Т.К. Шашева из п. Копыловки Колпашевского района, надиктовав мне «По диким степям, по Нарыму...», добавила: *«А сочинили её Костя Михайленко из п. Пристанского Парабельского района, он из наших был – алтайских «спецов». Потом его за эту песню забрали, и сгинул он куда-то».*

Параллельно с собственным стихотворчеством шла и переработка давно известных текстов, например, русских народных песен. Трудно в строках «По диким степям, по Нарыму...» не узнать популярнейшую в народе «По диким степям Забайкалья...». Впрочем, в этом формировании фольклора в спецпосёлках шло тем же путём, что и на зоне.

Отличалось содержание. Спецпереселенческие песни, в отличие от тюремных, повествовательны, конкретны, иногда с упоминанием фамилий и географических названий. Они пересказывают все фазы трагедии от раскулачивания на родине и погрузки на подконвойные баржи до организации жизни на новом месте, повествуют о разных её сторонах – раскорчёвке, обмене «полотенцев на капустные листы» и т.д. Если бы удалось собрать воедино все песни «спецов» и расположить их по хронологии отображаемых событий, то получилось бы эпическое полотно этого эпохального явления.

Совсем уж разнится настроение тюремных и спецпереселенческих песен, отражённое в них мировоззрение. Вторые сочинялись крестьянами и, естественно, вобрали в себя не блатной надрызг, а обстоятельное спокойствие, не театральность, а естественность. В них запечатлелись все особенности крестьянской природы, в том числе и покорность. Если лагерный фольклор изобилует сюжетами сопротивления обстоятельствам жизни от широко распространённой темы побега до «убийства начальничка»,

то спецпереселенческий во множестве содержит лишь безысходность да стенания по поводу «безвинных страданий». Едва ли не самый распространённый мотив – это горькая обида на вопиющую несправедливость: у человека, много работавшего и праведно жившего, отняли «всё нажитое» и обрекли на незаслуженные мучения, голод, смерть. Единственно, на что способен крестьянин в этих условиях, – это надеяться и молиться. В последнем очень показательна песня «Ах, Боже Всевышний...».

Даже к частушкам, родившимся в среде «спецов», трудно применить эпитеты, традиционные для этого вида песенного искусства – «озорная», «весёлая», «разухабистая». Они тоскливы и печальны. Да и малая их доля среди собранного материала может свидетельствовать не только и не столько о кратковременности бытования этого жанра, сколько о несовместимости действительно озорного характера частушки с условиями жизни спецпереселенцев. Показное «мордасовское» веселье там было излишним.

Возвращаясь к крестьянскому мироощущению спецпереселенческих песен можно привести любопытное наблюдение: коллекционеры и исследователи песен советских заключённых М.Джекобсон и Д. Шерер не обнаруживают среди авторов лагерного фольклора крестьян. Скорее всего, объяснения этому факту надо искать в области психологии и мировоззрения – крестьянский менталитет несовместим с нормами уголовного мира.

Бесспорно отличается и лексика спецпереселенческих песен – в ней напрочь отсутствует воровской жаргон, имеющий место в тюремном стихотворчестве. Некоторые обороты, например, «широко поле», «широко место» (в песне «Ты скажи, кулаклишенец...» так представлен степной Алтай – прежнее местожительство основной массы нарымских спецпереселенцев) и др. позволяют ставить вопрос о большей близости спецпереселенческих текстов, чем лагерных, к традиционному русскому фольклору.

Несколько слов необходимо сказать и о бытовании всех этих песен на нарымских землях. Все информаторы едины в воспоминаниях, что и тюремные, и спецпереселенческие песни пользовались огромной любовью, их исполняли буквально везде. Например, после пересказа мне песни «Огни притона заманчиво сияют...» А.А. Яковлев добавил: *«Её часто пели в войну и после войны на Тогурской ферме, где я тогда работал. Почему там? А где ещё было петь-то, если работали от зари до зари? Вот и пели на работе».* Л.Я. Дорогина продолжила эту тему так: *«Раньше много пели. На обед на работе отводилось только полчаса, так мы 15 мин. ели, а 15 – пели. На работу шли с песней, после работы – с песней. Рот не закрывался. А после смерти Сталина нам на работе*

петь запретили. Так петь и перестали, вместо песен одни матерки стало слышно».

В связи с последним замечанием вспоминается одно из газетных интервью Д.С. Лихачёва, где он сожалел об уходе из живой культуры церковнославянского языка и делал вывод: *«Исключение из школьного образования церковнославянского и нашествие материцины – это симметричные явления».* Не надо смущаться вроде бы предложенного здесь равенства воровских песен и церковнославянского языка. Деградация начинается тогда, когда из повседневного обихода исчезает что-то очень важное, позволяющее человеку сохранять духовность: для академика это может быть церковнославянский язык, для тогурской колхозницы – народная песня.

Выходит, были нужны эти песни, коль они помогали людям переживать невзгоды, через сострадание и сопереживание тем, чья доля ещё горше, сохранить душу и укрепить силу. Если сохранили эти песни память о целой эпохе. Жаль лишь, что они оказались песнями одного поколения. Их не записали на пластинки, не напечатали в книгах, не знают и не поют дети и внуки, забывают старики. Но кое-что из этого духовного наследия пока ещё можно спасти. Давайте поторопимся.

Тюремные песни

1

Славное море – священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко.
Долгие тяжкие цепи носил,
Долго бродил я в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.
Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.
Шёл я и в ночь, и средь белого дня
В круг городов, озираясь зорко,
Хлебом крестьянки кормили меня,
Парни снабжали махоркой.
Славное море – священный Байкал,
Славный мой парус – кафтан дыроватый.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,

Слышатся грома раскаты.

*Анна Яковлевна Антипова. 1925–2009.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колпашевского р-на 21.10.1995. Я.А. Яковлевым.*

2

Звенел звонок насчёт поверки,
Ланцов задумал убежать.
Не стал зари он дожидаться,
Начал проворно печь ломать.

В трубу он тесную пробрался
На тот тюремный на чердак.
По чердаку он долго шлялся,
Себе верёвочку искал.

Нашёл верёвку тонку, длинну,
К трубе тюремной привязал,
Перекрестился, стал спускаться.

Солдат заметил, выстрел дал.

«Чего тебе, солдатик, надо?
Ты притворись, как будто спал».
На ворона коня садился
И в лес дремучий поскакал.

Солдат к начальнику явился

И тихим голосом сказал:

«Я к Вашей милости с докладом:

Ланцов из замка убежал».

*Пелагея Петровна Яковлева. 1933 г. р.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колпашевского р-на 17.09.1995. Я.А. Яковлевым.*

3

Солнце всходит и заходит,

А в тюрьме моей темно,

Днём и ночью часовые

Стерегут моё окно.

Как хотите, стерегите,
Я и так не убегу,
Хоть и хочется на волю,
Цепь порвать я не могу.

Ох вы, цепи мои цепи,

Вы стальные сторожа,

Не порвать вас, не порезать

Без булатного ножа.

*Анна Яковлевна Антипова. 1925–2009.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колпашевского р-на 21.10.1995. Я.А. Яковлевым.*

4

Скрывается солнце за степью,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.
Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперёд тяжело,
Лениво сгибают колени –
На сердце раздумье легло.
Затянемте, братцы, мы песню,
Забудем лихую беду.
Наверно, такая невзгода
Написана нам на роду.

*Анна Яковлевна Антипова. 1925–2009.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колпашевского р-на 21.10.1995. Я.А. Яковлевым.*

5

Шёл я лесом, лесом по дорожке,
Ох, там народный дом стоял.
В этом доме много заключённых
Ох, все голодные сидят.

Суп холодный, вся братва голодна,
Ой-да, а хлеб чёрный, как земля.
Взял я ложку, бросил на дорожку,
Ой-да, а сам горько зарыдал.

Ох, зачем я, парень молодецкий,
Ой-да, во Нарымский край попал?
Не за пьянство, не за хулиганство,
Ой-да, за отцовский капитал.

*Татьяна Кузминична Шашева. 1919–2001.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в п. Копыловке
Колпашевского р-на 17.08.1993. Я.А. Яковлевым.*

6

Заброшен судьбой в далёки края,
Лишён драгоценной свободы.
И так пропадает вся юность моя,
Пройдут мои лучшие годы.
Сижу я в тюрьме, сам на волю гляжу,
А сердце так жаждет свободы.
Друзья вы мои, не судите меня,
Быть может, и с вами случится:
Сегодня – герой, а завтра с семьёй,
Быть может, придётся проститься.
Богатство моё всё прахом пошло,
Остался я нищий бродяга.

*Первый куплет: Иван Найдёнов. Прим. 1928 – ?.
Спецпереселенец с Алтая. П. Степановка Верхнекетского
р-на. С чего начинается Родина // Заря Севера. № 87. 4
августа 1994 г.*

*Остальные куплеты: Татьяна Кузминична Шашева.
1919–2001. Спецпереселенка с Алтая. Записано в п.
Копыловке Колпашевского р-на 25.11.1995. Я.А.
Яковлевым.*

7

Окончил курс своей науки,
В дом родительский попал,
Просил у отца благословенья,
Которого он ему не дал.
Друзья, пред вами сознаюсь:
Сестру родную полюбил,
Всегда преследовал за нею,
Всегда к любви её склонял.
Однажды зашёл к сестре в спальню,
Тихонько двери затворил,
Упал пред нею на колени,
Сказал: «Сестра, люблю тебя».
Сестра от жалости сказала:
«И я, братец, люблю тебя».
Вдруг шумно двери отварились,
Заходит грозный наш отец.
Глаза свирепо просверкали,
Булатный нож сверкнул в руках.
«Ах, вы, дети, мои дети,
За что пролили кровь мою?
Ах, сын ты мой родимый,

Зачем сестру родную полюбил?
Ты, дочь моя родная,
Зачем ты брату отдалась?
Тебя, родная дочь, прощаю,
Тебя же, сын, я не прошу».

*Записано в с. Новоильинском Кетской волости
Нарымского края в 1905 – 1910 гг. Н.И. Рыбиным. Сборник
нарымских песен и припевок. Рукопись // Архив
Колпашевского краеведческого музея. № 1795/3.*

Я кончил, кончил курс науки
И в дом родительский попал,
Просил отца благословенья,
Которого отец не дал.
Друзья, пред вами сознаюсь,
Сестру родную полюбил,
Всегда ухаживал за нею,
Всегда к любви её склонял.
Однажды зашёл к сестре в спальню,
Тихонько двери затворял,
Упал пред нею на колени,
Сказал: «Сестра, люблю тебя».
Сестра от жалости сказала:
«Люблю, люблю, братец, тебя».
Тут с шумом двери распахнулись,
Заходит грозный наш отец.
«Ой, вы, дети мои, дети,
Зачем пролили кровь мою?
Тебя я, мила дочь, прощаю,
А сына на каторгу сошлю».

*Пелагея Петровна Яковлева. 1933 г. р.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колпашевского р-на 24.08.1995. Я.А. Яковлевым.*

8

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачку принесла.
«Передайте передачку,
А то люди говорят,
Что по тюрьмам заключённых
Сильно с голоду морят».

А привратник усмехнулся:
«Твоего сыночка нет,
Он прошедшей тёмной ночью
Был отправлен на тот свет».
 «Собирала передачку
 На последние гроши.
 Передайте заключённым
 На помин его души».

Повернулась мать-старушка,
От ворот тюрьмы пошла.
И никто про то не знает,
Что в душе она несла.

Яков Яковлевич (1933 г. р.) и Пелагея Петровна (1933 г. р.) Яковлевы. Спецпереселенцы с Алтая. Любовь Яковлевна Дорогина. 1930–1996. Записано в с. Тогуре Колпашевского р-на 24.08.1995. Я.А. Яковлевым.

9

Тюрьма Иркутска стоит большая,
Народу в ней – не перечесть.
Ограда камена высока –
Через неё не перелезть.
 И вот заходит тюрьмы начальник
 И начинает выкликать:
 «Все заключены, собирайтесь!
 Пора в этап вас отправлять».

Рецидивисты давно готовы,
Их вещи сложены в мешок.
И часто-часто мать-старушка
Стоит и плачет у ворот.
 А сын заметил мать-старушку
 И слёзы вытер рукавом

.....

А поезд тронулся, помчался,
Помчался прямо на восток,
А мать стояла долго-долго,
Махала своим батистовым платком.

*Татьяна Кузминична Шашева. 1919–2001.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в п. Копыловке
Колпашевского р-на 09.12.1995. Я.А. Яковлевым.*

10

Камера шестая
Под большим замком,
Там сидит мальчишка,
Горько плачет он.

Ключик открывает:
«Здесь ли ты, злодей?
Выйди на свиданье
К матери своей.

У ворот тюремных
Мать твоя стоит».
Она горько плачет,
Сыну говорит:

«Сын ты мой, сыночек,
Сын ты мой родной,
Что же ты наделал
Со своей судьбой?

Не хотел, сыночек,
Честно работать,
А пошёл, сыночек,
Грабить, воровать».

*Пелагея Петровна Яковлева. 1933 г. р.
Спецпереселенка с Алтая. Записано
в с. Тогуре Колташевского р-на 24.08.1995. Я.А. Яковлевым.*

11

В Петрограде я родился,
В Москве-матушке я взрос,
Воровать я научился,
Много горя перенёс.

Первый раз красть обучался –
Со студента часы снял,
И за это само дело
В тюрьму каменну попал.

Тюрьма каменна большая,
Ничего в ней не видать,
Только слышно было, видно –
Ключны двери открывать.

Отворили ключны двери –
«Выходи, Ваня, сюда».
Вышел Ваня на поляну,
Окружил его народ.

Ваня глянул по народу –
Мама с тятёй во слезах.
«Не плачь, тятя! Не плачь, мама!

Знать судьба моя така».

*Мария Андреевна Чиркова. 1928–?.
Записано в с. Новогорном Колпашевского р-на
09.07.1997. Я.А. Яковлевым.*

Во Полтаве я родился,
В Москве-матушке возрос,
Воровать я научился,
Много горя перенёс.
 Первый раз красть обучался –
 Со студента часы снял,
 И за это преступленье
 В тюрьму каменну попал.
Вот ведут-ведут в тюремку,
Открывают ворота:
«Заходи-ка, вор-бродяга,
Здесь ведь камера твоя.
 Чаю, сахару немало
 И бесплатный кипяток,
 Отопление, освещение,
 В каждой камере звонок.

*Татьяна Кузминична Шашева. 1919–2001.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в п. Копыловке
Колпашевского р-на 17.08.1993. Я.А. Яковлевым.*

12

Эх, милая, добрая мама,
Как счастье моё далеко.
Свободы и воли я не увижу –
Сижу я в тюрьме не за что.
 Пройдёт, милая мама, то время,
 Получишь письмо ты моё,
 Получишь и горько заплачешь
 И вспомнишь сынка своего.
Куда ни посмотришь – решётка.
И всюду тюремный конвой.
Когда же я выйду на волю,
Когда попаду я домой?
 Вот слышу – этап набирают.
 По камерам крики и гам.
 Ой, братец, куда отправляют –
 Поедем мы строить канал.
Мы ехали долго и быстро,

Вдруг поезд, как вкопанный, стал.
Кругом тут леса и болота –
Вот тут будем строить канал.
 Дорогу построили быстро.
 Дорога гладка и крепка.
 Ох, сколько костей заключённых
 Она здесь в себя приняла.
А кровь наша алая, жгучая
Вся под рельсами стальными лежит.
За кровь уркаганов и воров
Достаётся счастье другим.

*Елизвой Игнатьевич Потрепалов. 1914–2006.
В 1928–1970 гг. – житель Парабельского р-на.
Записано в г. Томске П.Е. Бардиной.*

Ой, милая, добрая воля,
А счастье моё далеко.
Свободы, свободы не вижу,
В тюрьме я сижу так давно.
 Вот слышу – этап набирают,
 По камерам – крики и гам.
 «Ой, братцы, куда отправляют?» –
 «Поедем мы строить канал».
Дорогу мы строили быстро.
Дорога крепка и сильна.
Ой, сколько костей по дороге,
Вся кровью улита она.
 О, милая, добрая мама,
 Письмо ты получишь моё,
 Прочтёшь и так горько заплачешь,
 И вспомнишь про дочку свою.
Ой, милая, добрая воля,
А счастье моё далеко.
Свободы, свободы не вижу,
В тюрьме я сижу так давно.

*Любовь Яковлевна Дорогина. 1930–1996.
Записано в с. Тогуре Колпашевского р-на 24.08.1995. Я.А.
Яковлевым.*

Огни притона заманчиво сияют,
Мотив фокстрота заманчиво звучит –
Там за столом мужчины совесть пропивают,

Девушки пивом заливают честь свою.

А в стороне сидел один угрюмый
Одет в костюме и в кожаном пальто.
Он молодой, но жизнь его разбита,
Попал в притон и был брошенный судьбой.

Он молод был, и мать его любила,
Сама не съест, а всё для сына сбережёт.
С рукой протянутой на паперти стояла,
Дрожа от голода в лохмотьях, без пальто.

Вот вырос сын, с ворами он познакомился,
Стал пить-курить, ночами дома не бывать,
Нашёл приют в притонах-ресторанах
И позабыл свою больную старушку-мать.

Вот скрип дверей – и двери открылись:
Вошёл в костюме и в кожаном пальто.
Стал на порог, сказал: «Мамаша, здравствуй!» –
И больше вымолвить не смог он ничего.

И мать больная, на локтях приподнявшись,
Глаза больные на сына повела:
«Что, сын, пришёл проведать свою маму?
Не мучь меня – давай останемся вдвоём».

«Ох, мама, мама, остаться я не в силах,
Ведь мы с тобою давно разлучены.
Я – вор, бандит, чужой забрызган кровью,
Я – атаман среди разбойничьей семьи».

А рано утром из старого подвала
В сосновом гробе мать на кладбище унесли.
А её сына с шайкою бандитов
За преступление к расстрелу повели.

*Артеми́й Архи́пович Яковлев. 1930–2006.
Спецпереселенец с Алтая. Жил в п. Пиковке, Тогуре
Колпашевского р-на. Записано в г. Бийске Алтайского края
28.03.1993. Я.А. Яковлевым.*

14

Люби меня, девчонка, покаместь я на воле,
Покаместь я на воле – я твой,
Судьба нас разлучит: я буду жить в неволе,
Тобой завладеет другой.
Я – вор, я – бандит, я – преступник всего мира,
Я – вор, а вора трудно любить.
Люби меня, девчонка, покаместь я на воле,
Покаместь я на воле – я твой.

*Татьяна Кузминична Шашева. 1919–2001.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в п. Копыловке
Колташевского р-на 09.12.1995. Я.А. Яковлевым.*

15

Север, север – далёкие страны,
Север, север – далёки края.
Я – девчонка ещё молодая,
По несчастью попала сюда.
 Мчится поезд извилистым рельсом,
 Стук колёс отдаётся вдали,
 Этот поезд везёт заключённых,
 В этом поезде ехали мы.
Пускай струны гитары играют,
Пусть поплачет родимая мать,
Что судьба надо мной надсмеялась,
Научила меня воровать.
 Что такая досталась мне доля,
 Сколько вынесла горя и бед –
 Я – девчонка совсем молодая,
 А в душе моей тысяча лет.

*Первый куплет: Артемий Архипович Яковлев. 1930–2006.
Спецпереселенец с Алтая. Жил в п. Пиковке, Тогуре
Колташевского р-на. Записано в г. Бийске Алтайского края
28.03.1993. Я.А. Яковлевым.
Остальные куплеты: Любовь Яковлевна Дорогина. 1930–
1996. Записано в с. Тогуре Колташевского р-на 07.08.1995.
Я.А. Яковлевым.*

16

Любовь, все знают хорошо,
Она изменчива бывает,
И в частых случаях она
У многих жизни отнимает.
 Я много песен перепел,
 Своими видел я глазами:
 Судили девицу одну,
 Она дитя была годами.
Вот скоро суд начнётся ей,
Зал переполнен был народом,
И судьи заняли места,
Конвой пробил для ней дорогу.
 Она просила говорить,
 И судьи ей не отказали.

Когда закончила она,
Зал переполнен был слезами.
«Я стыд и девичий позор
Я на груди своей носила,
Ушла от матери родной,
О, судьи, я его любила.
Среди товарищей своих
Он часто хвастался другою,
Меня на улицу прогнал,
Не дорожил безумец мною.
О, судьи милые мои,
Я отомстить ему решила –
Вонзила в грудь ему кинжал...
О, судьи, я его убила.
Читайте приговор скорей».
Последний вздох в груди раздался...
И приговор в руках судьи
Так незачитанным остался.

*Анна Яковлевна Антипова. 1925–2009.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колташевского р-на 31.08.1995. Я.А. Яковлевым.*

Я много песен перепел,
Своими видел я глазами:
Судили девушку одну,
Она дитя была годами.
Вот скоро суд начнётся ей,
Зал переполнен был народом,
Все судьи заняли места,
Конвой очистил ей дорогу.
Она просила говорить,
И судьи ей не отказали.
Когда закончила она,
Зал переполнен был слезами.
«Весь стыд и девичий позор
Я на себе переносила,
Ушла от матери родной...
Ох, судьи, я его любила.
Среди товарищей своих
Он часто хвастался другою,
И гнал на улицу меня,
Не дорожил безумец мною.
Вот за это за всё
Я отомстить ему решила –
Вонзила в сердце ему нож...

Ох, судьи, я его убила.
Читайте приговор скорей».
Последний стон в груди раздался...
И приговор в руках судьей
Так нечитанным остался.

*Пелагея Петровна Яковлева. 1933 г. р.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колташевского р-на 24.08.1995. Я.А. Яковлевым.*

Любовь, все знают, хороша,
Когда взаимная бывает,
Но в частых случаях она
У многих жизни отнимает.
Я много песен перепел,
Своими видел я глазами:
Судили девушку одну,
Она дитя была годами.
Вот скоро ей начнётся суд,
Зал переполнен был народом,
И судьи заняли места,
Конвой пробил для ней дорогу.
Она просила говорить,
И судьи ей не отказали.
Когда же кончила она,
Зал переполнен был слезами.
«Я жертвой для него была,
И воровать порой ходила,
А деньги, грабленные мной,
Я подлецу ему носила
В каком-то непонятном сне
Он овладел, безумец, мною.
Он вкрался прямо в сердце мне,
Любовь коварную затеял.
И долго я боролась с ним,
Но воля чувствам уступила,
Эх, судья, я его любила.
А он смеялся надо мной,
Не дорожил безумец мною,
А время проводил всегда
С своей любовницей другою.
Однажды я к нему вошла,
Я допросить его решила,
Сверкнул сурово острый нож,
Эх, судья, я его любила».

*Елизвой Игнатъевич Потрепалов. 1914–2006.
В 1928–1970 гг. – житель Парабельского р-на.
Записано в г. Томске П.Е. Бардиной*

17

Скоро, скоро я буду судиться,
На скамье подсудимых сидеть,
Не довольна душой своим, сердцем
На защитника буду смотреть.
 За измену неверного друга
 Пострадать мне немного пришлось.
 Кому год, а мне два с половиной
 Арестантской работы дадут.
И погонят по пыльной дорожке
От тюремного прямо в тюрьму
И посадят меня в одиночку
За тюремну кирпичну стену.

*Татьяна Кузминична Шашева. 1919–2001.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в п. Копыловке
Колпашевского р-на 17.08.1993. Я.А. Яковлевым.*

18

Я помню тот Ванинский порт
И вид парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные мрачные трюмы.
 Над морем сгущался туман.
 Ревела стихия морская,
 Стоял впереди Магадан –
 Столица Колымского края.
Это просто не песня, а жалобный стон,
Из каждой груди вырывалось проклятье.
«Прощай, материк, навсегда», –
Ревел пароход, надрывался.
 От качки стонали зэка,
 Обнявшись как родные братья,
 Лишь только порой с языка
 Срывались глухие проклятья.
Будь проклята ты, Колыма,
Что названа Чужая планета.
Тут сойдёшь поневоле с ума,
А оттуда возврата уж нету.
 Нас кругом окружает тайга,

Стерегчи нас вовсе не надо.
Машины вовсе не ходят сюда,
А ходят одни лишь олени.
Я знаю, не ждёшь ты меня,
И писем моих не читаешь,
И встречать ты меня не придёшь,
Об этом я знаю, моя дорогая.
Прощайте, отец, мать, жена и дети,
И вы, все родные, знакомые, друзья,
Знать горькую чашу до дна
Досталось мне выпить на свете.

*Елизвой Игнатьевич Потрепалов. 1914–2006.
В 1928–1970 гг. – житель Парабельского р-на. Записано в
г. Томске П.Е. Бардиной.*

19

Ты помнишь, товарищ, меня на вокзале,
Когда я попал в этот раз:
Я был тогда с вами заброшен судьбою,
Послушай об этом рассказ.
Давно это было, рвались снаряды,
Гремел девятнадцатый год.
Деникинцы ночью отца расстреляли –
В крови потопили завод.
Я бросил квартиру и стал просто вором,
Беспризорный приобрёл себе стаж,
Считался проворным и даже способным
По части налётов и краж.
У граждан с вокзала тащил чемоданы,
Карманы ножом обрезал,
Но как-то однажды осенней порою
Грубый розыск меня задержал.
Сидел я, товарищ, конечно, немало,
И дождался долгожданного дня:
В вагоне тюремном, с военным конвоем
На север сослали меня.
Что смотришь, товарищ, такими глазами,
Ты разве меня не узнал?
Ты взглядом ревнивым гладишь,
Чтоб ночью я их вещи не украл.
Не бойся, товарищ, я вещи твои не украду.
Ты видишь – я жить по иному начал.
Из подлого вора я стал журналистом
И на этом кончаю рассказ.

О Нарыме не мечтал,
Всё стремился, чтоб побольше,
День и ночь работал.

За своё, за что нажито
Многим сделался врагом:
Права голоса лишили
И назвали кулаком».

*Пелагея Петровна Яковлева. 1933 г. р.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колпашевского р-на 07.08.1995. Я.А. Яковлевым.*

21

Всё забрали трудовое
И в Нарым нас повезли.
А везли – и вспомнить страшно:
В Томске с поезда сгрузили,
Баржи ждали уже нас,
Началась тут погрузка
В трюмы, палубы – везде...
Жутко стало, сердцу больно,
Плач детей, старух рыданья
Тихо тащит пароход.
Баржи к берегу подходят,
Начинают выкликать...

*Татьяна Кузминична Шашева. 1919–2001.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в п. Копыловке
Колпашевского р-на 25.07.1996. Я.А. Яковлевым.*

...В Томске с поезда сгрузили,
Пароходы подвели.

.....
В трюмах вовсе было жарко,
Изнурился весь народ.
Плач детей, старух рыданье
Тихо тянет пароход.

В нашу гавань заходили корабли. М., 1995. С. 8.

22

Мы приехали сюда:
Здесь была одна вода,
Да по берегу трава,

Да валялися дрова.
Комендант по барже ходит,
Сам руками всё разводит:
«Вот вам место, вот селитесь
И живите – веселитесь».
Дали по ковшу пшеницы –
«Клюйте вы её, как птицы».
А того ж нам невдомёк –
У нас умер паренёк,
А коменданта не спросили,
Где погост нам разрешили.

*Мария Яковлевна Емельянова. 1922–2004.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колташевского р-на 22.02.1991. Я.А. Яковлевым.*

23

По диким степям, по Нарыму
Идёт заготовка лесов.
Там сослано много народу
Неизвестно, на сколько годов.
 Они сосланы все без причины,
 И безвинно страдают они,
 Живут они все под неволей,
 Считают тяжёлые дни.
Ребёнку и старому деду
На родине хочется быть.
А мысли их – ласковы звуки,
В тайге им не хочется жить.
 На собранье им всё напевают,
 Мол, будем мы край обживать.
 Назавтра – давай собирайся,
 И будем тайгу корчевать.
Корчёвка нам эта не мила,
Не в силах мы брёвна таскать.
И силы от голода нету,
Придётся корчёвку бросать.
 Питаемся пищей плохой,
 Продуктов нам мало дают.
 Едят они белую кору
 И воду болотную пьют.
По диким степям, по Нарыму,
Где белы медведи живут,
Там сослано много народу,
И тысячи с голоду мрут.

*Татьяна Кузминична Шашева. 1919–2001.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в п. Копыловке
Колпашевского р-на 17.08.1993. Я.А. Яковлевым.*

24

Ах, Боже Всевышний,
Тобой наказанный,
Тобою свободы лишён.
Я злыми людьми
Был признан виновным,
В Нарым за хозяйство суждён.
Ну и что же –
Судите как угодно...
Разбита семейная жизнь –
Оставил я дома жену молодую
И пятеро малых ребят.
А вырастут дети,
У матери спросят:
«А где же наш родный отец?»
А мать зарыдает
И деткам расскажет:
«Он принял тюремный конец».

*Елизавета Александровна Бурлина. 1920–?.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в д. Староюгино
Каргасокского р-на в 1994 г. местными школьниками.*

Ох, Боже Всевышний,
Тобою наказан,
Тобою свободы лишён:
Злыми людьми
Был признан виновным,
В Сибирь за излишки суждён...

*Иван Найдёнов. Прим. 1928 – ?.
Спецпереселенец с Алтая. П. Степановка Верхнекетского
р-на. С чего начинается Родина // Заря Севера. № 87. 4
августа 1994 г.*

25

Между топких болот

...Не придёт мать с горячей молитвой
Над могилою сына рыдать,

Только лес свою песню нарымскую
Будет вечно над ней напевать...

Письмо инструктора Нарымского окружного ВКП(б) В.А. Величко в партийные органы о положении на острове Назино // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 – 1938 гг. Новосибирск, 1994. С. 95.

26

На острове Смерти

...Трудно нам, братцы, в Нарыме,
Трудно нам здесь умирать,
Как пришлось на острове Смерти
Людоедов нам всем увидеть...

Письмо инструктора Нарымского окружного ВКП(б) В.А. Величко в партийные органы о положении на острове Назино // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 – 1938 гг. Новосибирск, 1994. С. 95.

Частушки

27

Мы с милёнком расставались
В это воскресенье:
Записали всех в колхоз,
Нас – на выселение.

Телевизионная программа А. и Г. Заволокиных «Играй, гармонь!». Записано в с. Парабели в 1996 г.

28

Кулаки работали –
Кулаки и жили.
А теперь кулаков
Голоса лишили.

Мария Архиповна Яковлева. 1918–1997. Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре Колпашевского р-на в 1985 – 1986 гг. Я.А. Яковлевым.

29

Кулаки вы, кулаки,

Забитые головушки,
Не видать вам, кулакам,
Своей родной сторонушки.

*Татьяна Кузминична Шашева. 1919–2001.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в п. Копыловке
Колпашевского р-на 25.07.1996. Я.А. Яковлевым.*

30

Кулаки вы, кулаки,
Спецпереселенцы,
На капустные листы
Меняли полотенца.

*Екатерина Архиповна Яковлева. 1935–1987.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колпашевского р-на в 1985–1986 гг. Я.А. Яковлевым.*

31

Мама, мама, встань пораньше
И послушай на заре:
Не твоя ли дочка плачет
На нарымской стороне.

*Мария Яковлевна Емельянова. 1922–2004.
Спецпереселенка с Алтая. Записано в с. Тогуре
Колпашевского р-на 24.09.1996. Я.А. Яковлевым.*

Картошка цветет, осыпается,
Коммунисты идут, спотыкаются.

*Николай Егорович Яковлев. 194... г. р. Из семьи
спецпереселенцев с Алтая в Парабельском р-не. Записано в
г. Москве 16.09.2018. Я.А. Яковлевым.*

Я.А. Яковлев

Арестанты в кандалах на нарах Тобольской тюрьмы

Баржа со спецпереселенцами прибыла в п. Тогур Колпашевского района Нарымского округа

Нарымские спецпереселенцы: под конвоем, но с гармошкой

Спецпереселенцы–старообрядцы Мария Архиповна и Екатерина Архиповна Яковлевы – хранители фольклора. 1987 г. Фото Я.А. Яковлева

Видеозаписи на ютюбканале Мемориального музея:

<https://www.youtube.com/watch?v=vtyiXizLFS0>

«Я много песен перепел...».

Исполнение: Анна Яковлевна Антипова. 1925–2009.

Спецпереселенка с Алтая 1931 г.

Запись: Я.А. Яковлев. Июнь 2000 г. С. Тогур Колпашевского р-на Томской обл.

«Во Полтаве я родился...».

Исполнение: Анна Яковлевна Антипова. 1925–2009.

Спецпереселенка с Алтая 1931 г.

Запись: Я.А. Яковлев. Июнь 2000 г. С. Тогур Колпашевского р-на
Томской обл.

«Ты скажи, кулак-лишенец...»

Исполнение: Яков Яковлевич Яковлев (1933 г. р.) и Пелагея

Петровна Яковлева (Арсиеико) (1933 г. р.). Из семей
спецпереселенцев с Алтая 1931 г.

Запись: Я.А. Яковлев. Июнь 2000 г. С. Тогур Колпашевского р-на
Томской обл.

«Осыпаются листья осенние...»

Исполнение: Яков Яковлевич Яковлев (1933 г. р.) и Пелагея

Петровна Яковлева (Арсиеико) (1933 г. р.). Из семей
спецпереселенцев с Алтая 1931 г.

Запись: Я.А. Яковлев. Июнь 2000 г. С. Тогур Колпашевского р-на
Томской обл.